

Похороны В. Ф. Коммиссаржевской.

У гроба Коммиссаржевской.

Хотящихъ славы много, много...
Искатель юный... Слушай ты!

Она любила тайны Бога
И не любила суеты.

Кто не отравленъ ядомъ вѣка,
Тотъ можетъ жить въ любыхъ вѣкахъ.
И смерть такого человѣка—
Незримый ангелъ въ облакахъ.

Не вѣрь лукавой звонкой силѣ.
Уйди отъ пошлыхъ лжей и злобъ,
И знай: прозрѣвшій—не въ могилѣ
И гробъ святой—уже не гробъ.

Греми ты, городъ, въ бездны мчащій,
Спѣши обманывать, стяжать.
... Рыдать? Къ чему? Поэтъ скорбящій
Привыкъ на кладбищѣ лежать.

Люби и плачь. Страдай безъ мѣры.
Создай Голгоу изъ страстей.
Пусть голосъ Вожьей птички Вѣры
Освѣтитъ скорбь твоихъ путей!

Иванъ Рукавишниковъ.

Послѣдній день В. Ф. Коммиссаржевской.

День погребенія почившей Вѣры Федоровны Коммиссаржевской по многолюдности, пожалуй, превзошелъ день прибытія тѣла.

Въ виду заявленія распорядительнаго комитета о томъ, что входъ въ Александро-Невскую лавру будетъ производиться только по билетамъ, не имѣвшимъ таковыхъ явились туда на разсвѣтѣ и, дождавшись открытія монастырскихъ воротъ, подъ видомъ богомольцевъ, проникли въ лавру.

Съ 8 час. утра стали съѣзжаться родные и знакомые покойной, артисты, журналисты и представители всѣхъ тѣхъ общественныхъ организацій и учебныхъ заведеній, отъ которыхъ вчера возложены были вѣнки.

Къ моменту начала богослуженія со всѣхъ сторонъ стали стекаться делегаты съ новыми и новыми вѣнками, запоздавшіе вчера и вновь прибывшіе изъ провинціи.

Новые вѣнки.

Среди многочисленныхъ новыхъ вѣнковъ, доставленныхъ въ день погребенія В. Ф., обращаетъ на себя вниманіе большой вѣнокъ отъ великаго князя Константина Константиновича, отъ редакціи журнала „Современный Міръ“ съ надписью на красной лентѣ:

Выпала кисть изъ руки дивнаго мастера,
Сердце устало—вздрыгнувъ, разбилось...

Кромѣ того, были возложены еще вѣнки отъ: группы гимназистовъ, театальной секціи общества народныхъ университетовъ, отъ слушательницъ петербургскаго университета, отъ редакціи „Московской Газеты“ съ надписью: „Угасшей красѣ русскаго театра“; большой вѣнокъ изъ лиловыхъ цвѣтовъ отъ кievскаго университета, труппы Императорскаго Мариинскаго театра, отъ лиговскихъ вечернихъ классовъ и отъ сотрудниковъ „Новаго Времени“.

Фракція социаль-демократовъ Госуд. Думы возложила красный съ такими же лентами вѣнокъ.

Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей театра Коммиссаржевской, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, возложилъ вѣнокъ съ надписью:

Улетѣла птичка золотая,
Птичка вѣчная, неземная,
Красотой духовной сверкая.

Въ нижней части своей этотъ вѣнокъ снабженъ портретомъ, подареннымъ „неизвѣстному“ покойной, а въ рамкѣ изображена „чайка“, летящая на встрѣчу „бабочкѣ“... Тутъ же прикрѣпленъ отрывокъ изъ дневника, въ которомъ покойная сдѣлала собственноручно надпись:

Ненужныя событія, быть можетъ, не бываютъ никогда.

Отъ братьевъ и сестеръ В. Ф. возложенъ крестообразный бронзовый вѣнокъ, устланный цвѣтами и изображеніями въ натурѣ пьесъ, въ которыхъ В. Ф. выступала. Тутъ и бабочка, и чайка, и весенній ландышъ, символизирующій „юность“ и т. д.

Задолго до заупокойной литургіи распорядительная коммиссія перенесла всѣ вѣнки изъ церковной ограды на кладбище.

Заупокойная литургія.

Въ 9 ч. 40 мин. утра въ церкви Св. Духа началась обѣдня, а затѣмъ и заупокойная литургія, отслуженная дежурнымъ іеромонахомъ съ митрополитскимъ хоромъ.

Къ этому времени церковь заполнилась публикой. Въ виду того, что благодаря тѣснотѣ къ гробу не имѣли возможности подойти близко родные покойной, лаврское духовенство распорядилось открыть для публики верхніе хоры церкви, куда и перешла часть публики.

Туда же были приглашены и делегаты всѣхъ организацій, присутствовавшіе на похоронахъ по вѣбору отдѣльныхъ корпорацій.

Погребеніе.

Около 12^{1/2} час. дня по окончаніи литургіи началось шествіе изъ церкви на кладбище.

Гробъ съ останками покойной на рукахъ былъ вынесенъ изъ церкви родными, знакомыми и студентами.

Впереди гроба шли пѣвчіе, за ними духовенство въ бѣлыхъ ризахъ во главѣ съ іеромонахомъ, несшимъ въ рукахъ икону Божьей Матери.

За гробомъ шли мать, братья, сестры, членъ Госуд. Думы А. И. Гучковъ, артисты: В. Н. Давыдовъ, В. Далматовъ, Юрьевъ, Серебряковъ, Петровский, кн. Вяземскій, Л. В. Яворская и мн. др.

Едва сдерживаемая цѣпами студенчества и молодежи, публика, какъ только гробъ приблизился къ могилѣ, быстро прорвала цѣпь и двинулась къ мѣсту погребенія.

Вокругъ могилы вся площадь, сплошь занятая памятниками, быстро преобразилась. Давя другъ другу и сжимая точно въ тискахъ, люди пробрались внутрь ограды памятниковъ, влѣзали на монументы...

Когда стали гробъ опускать въ могилу, со всѣхъ сторонъ посыпались живые цвѣты.

Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ „вѣчаю память“; пѣвчимъ вторилъ хоръ студентовъ.

По гробовой крышкѣ ударила первая горсть земли...

Послѣдній аккордъ...

Надгробная рѣчь В. Н. Давыдова.

„Наша дорогая, милая, хорошая Вѣра Федоровна умерла. Я говорю: „наша“, потому что Божій даръ, талантъ—этотъ могучій двигатель человѣчества, въ какой бы отрасли онъ ни проявлялся,—есть общее достояніе, общая драгоценность, утрата которой всѣмъ больна и тяжка. Мы потеряли нашу драгоценную Вѣру Федоровну. Она умерла... Какъ холодно, дико, страшно звучитъ это слово: умерла! Умерла-ли она? Да! Какъ ни ужасно это—она умерла. Но сильный духъ ея, могучій талантъ и ея свѣтлая, чистая, добрая душа—живутъ среди насъ и будутъ жить вѣчно.

Злая судьба несправедливо, безпощадно поступила, вырвавъ съ корнемъ изъ нашего драматическаго Вишневаго сада чудное деревцо въ полномъ его цвѣтѣ и благоуханіи. Гдѣ-то далеко отъ насъ, какъ-то жестоко, обидно-нелѣпо, отъ страшной болѣзни, почти одинокая, умерла наша Вѣра Федоровна. Но вѣсть о ея кончинѣ, какъ громомъ, поразила всѣхъ насъ, всю Россію. Мы всѣ, какъ одинъ чловѣкъ, дрогнули, набожно перекрестились и почувствовали себя осиротѣвшими, утратившими что-то дорогое, необходимое каждому изъ насъ. Вѣчно борющаяся со зломъ и недостатками родного искусства, ищущая новыхъ, свѣтлыхъ путей, тренещущая, приносившая даже себя подчасъ въ жертву артистическому благу, она какъ то вдругъ, неожиданно, среди труда и заботъ, какъ мотылекъ, сгорѣла на огнѣ и ушла отъ насъ въ лучшій міръ покоя и правды. При жизни обладала даромъ обласкать, утѣшить и согрѣть каждого своимъ могучимъ талантомъ, своимъ живымъ словомъ и своей чуткой душой, она сохранила этотъ даръ и за гробовой доской—смертью своей она совершила великое благое дѣло, духовно слила театральнй міръ со всѣмъ житейскимъ міромъ. Стоитъ только оглянуться вокругъ, пробѣжать любую газету

чтобы узнать и увидѣть, какъ на долгомъ пути всюду встрѣчали и провожали всѣмъ дорогой прахъ. И вотъ теперь, здѣсь, всѣ, отъ мала до велика, и наука, и искусство, и литература, и учащаяся молодежь, и рабочій людъ—всѣ собрались воедино воздать должное великому таланту и доброму чловѣку, поклониться ему и проститься съ нимъ до общаго радостнаго утра. Что то небывалое, стихійное произошло, поднявъ всѣхъ на ноги и заставивъ о многомъ подумать. Теперь я понимаю,—сказалъ В. Н.,—ея слова, когда она говорила, что вѣрить въ свое безсмертіе и никогда не умереть. И точно. Имя ея, талантъ, дѣянія и память о ней—безсмертны.

Прими-же,—закончилъ В. Н.,—отъ насъ, дорогая, незабвенная, нашу глубокую сердечную благодарность за все: за твои ласки, свѣтлый умъ, добрую, чистую душу, за чудные образы, созданные тобой, заставлявшіе радоваться и плакать вмѣстѣ съ тобой.

Міръ праху твоему, воистину добрый другъ, товарищъ и душа-чловѣкъ“.

Слѣдующимъ говорилъ *К. И. Арабаджинъ*:

„Оборвалась прекрасная жизнь... Оборвалась рано, слишкомъ рано. Не услышать намъ болѣе этого голоса, не увидѣть намъ милаго образа...“

Отнынѣ надъ жизнью будетъ висѣть большой могильный холмъ... Но это не все...

Умерла артистка, которую всѣ любили,—гордость русской сцены. Осиротѣлъ театръ, а съ нимъ и общество. Холодно, пусто, страшно...

Она вышла на путь театра въ эпоху перелома и, какъ въ „Чайкѣ“, устами Треплева твердила: Нужны новыя формы.

Она первая на сценѣ дала намъ чеховскіе тона.

Это была пѣснь любящей души, оскорбленная диссонансомъ жизни.

И какъ въ пустынѣ ярко свѣтятъ звѣзды, такъ свѣтила ея душа въ пустынѣ русской жизни.

Пусть заснетъ она вѣчнымъ сномъ, но въ нашей памяти будетъ ей вѣчная память!“

Глубоко прочувствованное слово сказалъ у гроба и старый шлссельбуржецъ *Ник. Морозовъ*:

„Тяжелое время переживаемъ мы теперь. Артистка она была великая, и здѣсь ее оцѣнили. Но я вижу въ ней другую, прекрасную сторону: героиня въ душѣ, она сочувствовала героизму...“

И отъ имени всѣхъ, кто готовъ героически отдать свою жизнь за свободу страны, я приношу здѣсь ей глубокую благодарность“.

Артистъ Императорской оперы г. *Серебряковъ* отъ имени всей труппы произнесъ надгробное слово отъ „тоскующихъ по таланту товарищей“, закончивъ его словами:

„Артисты русской оперы велегласно поютъ тебѣ вѣчную память... Прими-же наше послѣднее прощанье“.

Л. В. Яворская со слезами на глазахъ прочитала стихотвореніе Щепкиной-Куперникъ, посвященное покойной В. Ф.:

Что-то прекрасное грубо разрушено...
 Чистое легкое пламя потушено
 Чей-то жестокой рукой.
 Гдѣ ты, такъ рано во мракѣ пропавшая,
 Ясной звѣздой намъ тихо сіявшая
 Въ грустной пустынѣ мірской?..
 Горе не прощено, горе не мѣряно—
 Но дорогое навѣки утеряно:
 Кто не оплачетъ тебя?..
 Кто надъ тобою слезы не уронитъ,
 Кто головы молчаливо не склонитъ,
 О невозвратномъ скорбя?..
 Если не все—пустота безнадежная,
 Если, быть можетъ, душа твоя нѣжная
 Смотритъ на насъ съ высоты,
 Если ты видишь, какъ скорбью мы ранены,
 Какъ мы слезами тоски отуманены—
 Плачь же надъ нами и ты.
 Надъ сокрушенными, осиротѣвшими,
 Пѣсни дослушать твоей не успѣвшими,
 Не досказавшими ласковыхъ словъ...
 Кто осіяетъ насъ сказкою дунною?..
 Арфою кто зазвучитъ многострунную,
 Чуда надъ нами развѣтъ покровъ?..
 Холодно... пусто... Затерянность жуткая...
 Какъ же могла ты, ты, нѣжная, чуткая —
 Такъ безпощадно уйти?..
 Чайка убитая на смерть бѣлкрылая...
 Сломлена лилія чистая, милая...
 Прощай и прости!...

Въ заключеніе говорили: отъ имени думскихъ журналистовъ—Адріановъ, отъ молодежи—студентъ-путеецъ и по одному—студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Глубоко-трогательную картину изъ жизни послѣдняго времени театра Коммиссаржевской нарисовалъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ покойной, В. С. Неволинъ.

Онъ указалъ на то, что В. Ф. промѣняла заслуженные лавры на терніи, выбравъ самый трудный путь, повѣривъ, что онъ приведетъ театръ къ лучшей будущности.

Русскіе актеры оцѣняютъ это. Изъ рода въ родъ они будутъ передавать это славное имя и твердить ея слова: Ищите и обряцете.

Послѣднимъ говорилъ А. И. Гучковъ.

„Трепетная душа ушла. Она искала красоты, но не нашла. Много уносить она въ могилу съ собой, но еще больше оставляетъ среди насъ...“

Глубокую вѣру въ будущее оставляешь ты, Вѣра, въ насъ...

Помолимся же за тебя!“

Нѣсколько словъ сказалъ рабочій театр Коммиссаржевской. То были слова благодарности за отношенія къ „третьему элементу сцены“.

И могилу стали засыпать, засыпать быстро сырой землей.

Вновь посыпались цвѣты и цвѣты... Кругомъ слезы, тихія слезы...

Такъ плачутъ только по прекрасномъ человѣкѣ, какимъ въ дѣйствительности была Вѣра Федоровна.

Черезъ нѣсколько минутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была могила, выросъ огромный холмъ, плотно прикрытый каменной плитой.

А надъ холмомъ высоко поднялась гора вѣнковъ.

Долго еще публика не расходилась.

Многіе спѣшили къ освободившимся мѣстамъ у свѣжей могилы и, припавъ на колѣни, молились за горячо любимую В. Ф.

Б. Алмазовъ.

Октябристы вносятъ въ Гос. Думу законопроектъ объ ассигнованіи русскому Театральному обществу 10,000 руб. на увѣковѣченіе памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

Дирекція музыкально-драматическихъ и оперныхъ курсовъ Поллакъ учреждаетъ съ будущаго 1910/11 г. 2 степендіи (одна для слушателя, другая для слушательницы) имени В. Ф. Коммиссаржевской на 1-мъ курсѣ драматическаго отдѣленія.

Официальный рапортъ.

Официальная телеграмма ташкентскаго агента Театрального общества, отправленная имъ въ совѣтъ о-ва въ Петербургъ, даетъ слѣдующую картину послѣднихъ дней Коммиссаржевской:

„24 января шла „Безприданница“. У Коммиссаржевской былъ жаръ. Въ послѣдній спектакль—„Бой бабочекъ“—здоровье стало хуже. 27 января В. Ф. слегла, темп. между 40°—41°; въ теченіе 3 дней обычнаго паденія температуры при высыпаніи не было; образовалась сливная оспа; лицо, шея, туловище и руки покрылись сплошной сыпью; выпрыскиванія производились въ ноги. 1-го февраля замѣтно было улучшеніе. Максимумъ температуры 38°. 1-го февраля обнаружилось воспаленіе почекъ; сразу ухудшеніе; язвы мертвѣли; подсыхало только лицо. Въ послѣдніе 1½ дня обнажилась вся кожа; мѣстами сплошной черной струй; 9-го февраля больная потеряла сознание. 10-февраля, въ 2 часа дня, скончалась отъ паралича сердца.“

Безотлучно, самоотверженно находились при больной секретарша Кистенева, режиссеръ Зоновъ и компаньонка. Періодъ болѣзни В. Ф. провела въ квартирѣ знакомаго, г. Фрея.

Страдала В. Ф. замѣчательно терпѣливо, волновалась за судьбу четырехъ заболѣвшихъ оспой артистовъ. Смертельнаго исхода не предвидѣла. За три дня до смерти видѣла во снѣ Чехова, радовалась, говорила, что это хорошее предзнаменованіе. Положена въ два гроба, запаяна и перенесена въ церковь.

По мнѣнію докторовъ, всѣ артисты заразились въ Самаркандѣ“.

О трогательномъ чествованіи памяти В. Ф. Коммиссаржевской телеграфируютъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Изъ Ташкента: Въ городской думѣ память В. Ф. Коммиссаржевской была почтена вставаніемъ.

Постановлено одну изъ улицъ наименовать „Улица Коммиссаржевской“.

Частными лицами открыта подписка на стипендію имени покойной въ одной изъ гимназій.

Собирается обширный матеріалъ о В. Ф. Коммиссаржевской, о ея пребываніи въ Туркестанѣ, о ея послѣднихъ минутахъ. Будетъ изданъ специальный сборникъ, посвященный памяти покойной артистки.

По просьбѣ учащихся женской гимназій и реальнаго училища, вновь отслужены панихиды.

Изъ Вильны: Въ кафедральномъ соборѣ русскими и польскими артистами отслужена панихида по В. Ф. Коммиссаржевской. Въ Петербургъ отправленъ вѣнокъ для возложенія на гробъ покойной.

Изъ Минска: Въ театрѣ труппа Бѣляева поставила спектакль „Огни Ивановой ночи“, посвященный В. Ф. Коммиссаржевской. Прочтена біографія покойной артистки, въ которой указано ея значеніе въ искусствѣ.

Изъ Екатеринбурга: 18-го февраля въ девятый день по кончинѣ В. Ф. Коммиссаржевской, по инициативѣ артистовъ верхисетскаго театра, въ помѣщеніи послѣдняго протоіереемъ Игнатовымъ отслужена панихида. Присутствовали артисты и много публики.

Изъ Воронежа: Въ девятый день по кончинѣ В. Ф. Коммиссаржевской, въ Митрофановскомъ монастырѣ была отслужена по скончавшейся артисткѣ панихида, на которой присутствовалъ весь составъ драматической труппы Миролюбова, играющей сейчасъ въ зимнемъ театрѣ, и много горожанъ.

Театральнымъ обществомъ получены слѣдующія телеграммы.

Изъ Кременчуга:

Кременчугскій музыкально-драматическій кружокъ выражаетъ чувство глубокой скорби о преждевременной кончинѣ талантливой артистки Вѣры Федоровны Коммиссаржевской.

Изъ Харькова:

Комитетъ Общества трудящихся женщинъ присоединяется къ общей глубокой скорби по поводу безвременной кончины Коммиссаржевской, своею артистическою жизнью внисавшей еще одну блестящую страницу въ исторію женской самостоятельности.

Изъ Харькова:

На могилу вѣжной чайки русской сцены шлемъ вѣнокъ изъ скорби и тоски осиротѣвшихъ душъ.

Два юныхъ почитателя.

Изъ Кременчуга:

Вмѣстѣ со всей Россіей не можемъ удержать тяжелого стопа страстнаго протестующаго крика противъ нелѣпой безвременной кончины яркой, постоянно горящей Вѣры Федоровны. Черная смерть не пощадила, но свѣтлая Вѣра долго, долго будетъ сіять надъ искусствомъ и русскимъ театромъ.

Почитатели.

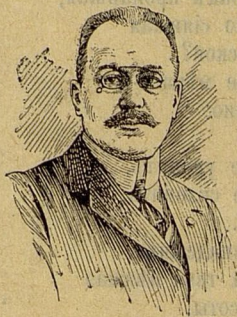
Изъ Рязани:

Душой скорбимъ о безвременной утратѣ родного галанта.

Труппа Рязанскаго театра.

Николай Ивановичъ Казанли.

(По поводу первой постановки на сценѣ Маринскаго театра его новой оперы „Миранда“).

Николай Ивановичъ Казанли пользуется большою извѣстностью въ русскомъ музыкальномъ мірѣ, какъ талантливый композиторъ, дирижеръ и музыкальный критикъ. Онъ происходитъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, родился въ 1869 году въ Тирасполѣ, Херсонской губ. Въ 1889 году окончилъ Михайловское артиллерійское училище. Первоначальное музыкальное образованіе получилъ дома; потомъ занимался въ одесской музыкальной школѣ „Общества изящныхъ искусствъ“ (съ 1879 по 1883 г.). Въ 1891 году поступилъ въ петербургскую консерваторію, которую и окончилъ по классу композиціи у профессора Н. А. Римскаго-Корсакова съ дипломомъ на званіе свободного художника. Съ 1897 г. Н. И. нѣсколько лѣтъ подрядъ дирижировалъ въ Мюнхенѣ у Кайма русскими симфоническими концертами. Въ 1889 г. 14 (27) января исполнялась подъ его управленіемъ въ Мюнхенѣ опера Глинки „Русланъ и Людмила“ (въ первый разъ въ Германіи). Затѣмъ та же опера исполнялась подъ его же управленіемъ въ берлинскомъ филармоническомъ обществѣ 9 (16) января 1900 г. Кромѣ того, Н. И. дирижировалъ въ Киссенгенѣ у Кайма и по приглашенію чешской филармоніи въ Прагѣ. Вмѣстѣ съ М. А. Балакиревымъ онъ ѣздилъ въ маѣ 1899 г. въ Берлинъ на торжество прибитія памятныхъ досокъ на домѣ, гдѣ жилъ и скончался М. И. Глинка. Въ 1890 и 1891 г.г. писалъ онъ критическія замѣтки по музыкальной хроникѣ въ газетѣ „День“, журналѣ „Артистъ“ въ „Münchener Allgemeine Zeitung“ и въ Берлинскомъ журналѣ „Die Musik“. Н. И. написалъ цѣлый рядъ романсовъ на нѣмецкій и русскій текстъ, которые частью изданы въ Майнцѣ, извѣстными фирмами В. Schotts Söhne и А. Schmid Nacht въ Мюнхенѣ, частью—Циммерманомъ и Юргенсономъ въ Петербургѣ. Изъ оркестровыхъ произведеній Н. И. можно указать: на симфоническую картину съ хоромъ „Русалка“; симфоніетту (G-dur), исполненную въ первый разъ въ Павловскѣ въ 1893 г.; „Леопору“, балладу съ хоромъ и солистами (текстъ Бюргера); симфонію (f-moll). Оба эти сочиненія исполнялись первый разъ въ Мюнхенѣ въ 1897 г. Кромѣ этого, Н. И. инструментовалъ фортепіанныя пьесы Листа: F. Spozalizio II Penseroso“, что же касается оперы Н. И. въ трехъ дѣйствіяхъ „Миранда“, написанной на текстъ Н. Полилова, переложеніе для пѣнія и фортепіано которой издано Ю. Г. Циммерманомъ, то она принята къ постановкѣ на Императорскихъ оперныхъ сценахъ еще весною прошлаго года, до появленія въ печати этого переложенія; насколько можно су-